

мордовских языков заслуживает весьма высокой оценки. Что же касается сделанных замечаний, то они не снижают прак-

тической ценности его и при переиздании могут быть учтены составителем.

Р. Н. БУЗАКОВА (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1975.3.12>

Giuliano Pirotti, *Grammatica vogula. Quaderni Italo-Ungheresi* 3, Parma 1972, XXXIX + 291 стр. 2 текстовые карты.

Работа начинается с изложения общих проблем финно-угорского языкознания, а также некоторых исторических фактов. Автор грамматики выступает сторонником урало-алтайского языкового родства и с этих позиций строит вступительную главу. Прежде всего он дает обзор литературы начиная с конца XVIII в. о родстве алтайских и уральских языков. Коротко затрагивается и вопрос о родстве индоевропейских и финно-угорских языков.

Далее приводится обзор уральских языков. При этом ижорский рассматривается как самостоятельный язык, а не диалект финского, что характерно для многих других работ; самостоятельным языком представлен и людиковский, его самостоятельность поддерживает, между прочим, и хороший знаток его Пертти Виртаранта. Эрзянский и мокшанский принимаются за два диалекта одного языка. Верно описаны самодийские языки. Среди других к ним отнесен юкагирский, принадлежность которого к уральским языкам в последнее время находит все больше сторонников. Приводит автор и обзор алтайских языков.

При рассмотрении вопроса о распространении мансийского языка и его диалектов Дж. Пиротти опирался на соответствующие работы М. Жири и Б. Кальмана. Названы три диалектные группы — северный, средний и южный, или тавдинский, диалекты. Такая группировка отличается от традиционной, согласно которой вместо т. н. среднего диалекта выделяются западный и восточный (по Б. Мункачи).

Древняя история финно-угров дана кратко и обобщенно и, к сожалению, опирается на несколько устаревшие данные, особенно в вопросе о разветвлении языков. Однако верно замечено, что финно-

угры уже в древности знали и лошадь как домашнее животное, не только собаку. Угры тем более издавна были наездниками.

Этноним *māñsi* связывается с соответствующей этимологической параллелью венг. *magyar*, что подкрепляют и другие языковые данные, ведь мансийский и венгерский — языки близкородственные.

Отдельная глава посвящена описанию прежних и нынешних территорий расселения манси, их быта и образа жизни. Здесь же излагается история исследования мансийского языка и его состояние в наше время.

В главе, посвященной истории угров, затронут вопрос о том, что могло обозначать «Magna Hungaria» у монаха Юлиануса. Дж. Пиротти считает, что это название могло принадлежать как территории расселения манси, так и территории тех венгров, которые оставались после того, как основные племена покинули свою прародину.

Следующая глава грамматики содержит описание фонологической системы мансийского языка. В отношении транскрипции автор основывается на работах Б. Кальмана и Е. Ромбандеевой, которые пользуются фонологическим способом обозначения. Транскрипцию примеров, почерпнутых в предшествовавших работах, он упрощает; так, примеры А. Каннисто, которые приводятся очень часто, даны в упрощенной транскрипции в соответствии с таблицей на стр. 271. При описании фонологической системы мансийского языка выделены вокализм, консонантизм и ударение. Вместе с тем рассматриваются различные звукоизменения в корне, морфемах и фонемах: изменения корня, чередование фонем, или звукоизменения в основе, гармония гласных, сандхи и т. д. Упомянутые явления иллюстрируются и

примерами из других финно-угорских языков. Среди гласных выделены долгие и краткие, в наше время такая точка зрения общепринята (Б. Кальман, Е. Ромбандеева). Описывая мансийские гласные, автор главным образом и опирается на данные Е. Ромбандеевой (Языки народов СССР III, Москва 1966); в соответствии с этим составлена таблица гласных. В части согласных за основу приняты материалы Б. Кальмана, в целом совпадающие с положениями Е. Ромбандеевой. Нужно отметить, что при описании вышеупомянутых фонологических явлений подробно характеризуются только явления северного диалекта мансийского языка, но, описывая как гласные, так и согласные, Дж. Пиротти ссылается и на некоторые звуковые варианты в других мансийских диалектах. Затронут также вопрос о передаче мансийских звуков в литературном языке при помощи русского алфавита, при этом отмечаются основные недостатки этой передачи (например, не обозначается долгота гласных).

Большая часть грамматики отведена морфологии и синтаксису мансийского языка. Морфология описана в традиционной форме и последовательности, т. е. отдельно рассматриваются части речи и соответствующие грамматические категории (число, падежи, степени сравнения, спряжение и т. д.), при этом для работы характерно при описании грамматических категорий обращение к существенным диалектным различиям. Соответствующие примеры и теоретические концепции почерпнуты из трудов Б. Мункачи, А. Каннисто, М. Лиймола, Б. Кальмана и других. Автор не ограничивается мансийскими примерами, анализ некоторых грамматических категорий и конкретных морфем подкреплен примерами из других финно-угорских языков, прежде всего хантыйского и венгерского. В то же время при рассмотрении отдельных проблем сравниваются финно-угорские и индоевропейские явления (например, двойственное число, аккузатив). Довольно часты этимологические замечания и гипотезы со ссылками на работы, в которых упомянутые вопросы исследуются подробно. Вообще, создается впечатление, что в рецензируемой работе отсутствует четкое разграничение между диахроническим и

синхроническим аспектами; очевидно, автор и не преследовал такой цели — ведь у него не было для этого необходимого оригинального материала. Примеры для иллюстрации Дж. Пиротти черпал из написанных в разное время и различными авторами трудов, и вряд ли он стремился к описанию такой конкретной формы языка, как это сделала, например, Е. Ромбандеева в своей последней монографии (Мансийский (вогульский) язык, Москва 1973).

Во вступительной части автор остановился на свойственной уральским языкам тенденции к синтезу, которая в угорских языках проявляется как на синтаксическом, так и на морфологическом уровне. Как наиболее типичный пример приводится первоначальный способ словосложения, которое подчас произошло так давно, что в наше время слова с трудом воспринимаются как сложные, например, венг. *orr 'нос' + szá (száj) 'рот' = arca, arc* 'лицо'; манс. *ńol 'нос' + tus 'рот' = ńoltus* 'лицо'; аналогичны манс. *šaxəl-ńāl* 'молния, т. е. стрела бури' и *wörtölnut* 'медведь, т. е. тот, кто живет в лесу'. Разбирая категорию числа, Дж. Пиротти выделяет двойственное и множественное. Почти все затронутые морфемы сначала разбираются в общем плане, т. е. отмечается выступление в языковых семьях и отдельных языках, анализируются функции и особенности использования этого формального элемента. Затем уже рассматривается использование морфемы в мансийском языке, в последнем случае приводятся все возможные формальные варианты, со ссылкой на встречаемость; останавливается автор и на диалектных вариантах. Например, в связи с признаком двойственного числа *у рассмотрены изменения названного форманта в разных диалектах, например, сев. *oxsariy*, но лозьв. *oxsaray* 'две лисцы'. Здесь же рассмотрена типичная для угорских языков последовательность элементов: корень + показатель числа + посессивный суффикс + падежное окончание, причем в посессивных формах используются специфические показатели числа, в двойственном *-ay-* вместо *-y-iy*; во множественном *-an-* вместо *-t-at*, например, *kolayuwən* 'в наши два дома' и *kolanənti*

'в ваших домах'; такие же числовые показатели выступают в объектном спряжении: *totijayum* 'я несу этих двоих' и *totijanum* 'я несу их'. Сравнив рассмотренную структуру форм с таковой в родственных языках, автор фиксирует различия между угорскими и финским языками, ср. венг. *házaikban*, манс. *kolanant* 'в ваших домах', но фин. *taloissanne*, где в отличие от угорских языков посессивный суффикс находится после падежного окончания.

Опираясь на данные М. Лиймола и Б. Кальмана, автор отмечает в мансийском языке восемь падежей: номинатив, аккузатив, локатив, элатив-аблатив, латив, инструменталь-комитатив (в южном диалекте — комитатив), транслатив-эссив и вокатив (встречается фрагментарно). Касаясь аккузатива, Дж. Пиротти остановился и на обозначении объекта в финно-угорских языках; в мансийском языке определенный объект стоит в аккузативе, неопределенный — в номинативе. Рассмотрено и выступление первоначального окончания аккузатива **-m* в финно-угорских языках, при этом проведено сравнение с соответствующей морфемой индоевропейских языков. Для иллюстрации мансийского аккузатива (*-m + V* или *-m*) приведены примеры из среднего и южного диалектов (в основном по А. Каннисто). Отмечается отсутствие этой морфемы в северном и пельмском диалектах. Однако указан аккузатив иного типа (*-na/-n*), который, по данным А. Каннисто, встречается в пельмском и вагильском диалектах, где обозначает определенный объект. Предваряя описание местных падежей, автор касается трехнаправленности, или -аспектности, местных падежей венгерского языка (*una sistema tridirezionale*): латив (иллатив, сублатив, аллатив), локатив (инессив, суперэссив, адессив), аблатив (элатив, делатив, аблатив) и обращает внимание на т. н. явления конвергенции, которые свойственны и мансийскому языку и заключаются в исчезновении формальных различий между локативом и лативом (*una tendenza all'indistinzione tralativo e locativo*). Мансийские местные падежи представлены наглядно по морфемам и их возможным диалектным вариантам вместе с соответствующими примерами (в основном из

материалов А. Каннисто), причем дана и этимология рассматриваемого элемента со ссылкой на источник, например окончание локатива *-t/-ta* имеет соответствия в родственных языках (например, венгерская топонимика) и возводится к первоначальному **-tt* (Э. Итконен, Б. Коллиндер); окончание элатива-аблатива (*-nál, -näl, -nel, -nël, -näl, -nl*) признано вторичным со ссылкой на общепринятую предполагаемую реконструкцию **-nз* (локатив) + **-lз* (аблатив).

Очень подробно представлены диалектные варианты элатива-аблатива, например, постпозиция *poal* вместо *-näl* в пельмском и вагильском диалектах, *-l* вместо *-näl* в посессивных формах южного и восточного диалектов (*koluml minas* 'он вышел из моего дома, т. е. он покинул мой дом'); *-na, -nә, -n* в западном диалекте (здесь конвергенция). Окончание латива *-na/-n* (*-әn*) возведено к исходной форме **-n*, причем здесь предполагается конвергенция (*convergenza dei morfemi*): *-n* (первоначальный локатив) + гласный, обозначающий первоначальный латив *-y*. Аналогично рассмотрены инструменталь-комитатив (окончания *-(ә)l, -l, -tl, -täl, -t*), комитатив (окончания *-nät, -nät, -nët, -net*), который встречается только в гавдинском диалекте, транслатив-эссив (**-y*) и вокатив. В отдельной главе приводятся различные формы названных падежей (*Forme diverse dal paradigma sostantivo generale*, стр. 55—60) и случаи их употребления (*Uso particolare dei casi del paradigma sostantivo*, стр. 62—65).

Бегло касается Дж. Пиротти прилагательного: описаны функции его как части речи (в роли определения и сказуемого) и степени сравнения. Подробнее рассмотрены посессивные суффиксы. В начале соответствующей главы излагается исходная суть посессивных суффиксов, но в то же время отмечается тенденция к образованию аналитических форм; в финно-угорских языках она проявляется в том, что посессивные местоимения применяются вместо посессивных суффиксов или добавляются к ним. Далее следует обстоятельный обзор мансийских посессивных суффиксов (таблица и парадигмы примеров) и присоединения

их к корню (формальная структура: корень + посессивный суффикс + падежное или личное окончание). И здесь изложение материала сопровождается примерами из других финно-угорских языков. Основной функцией посессивных суффиксов Дж. Пиротти считается детерминацию, вследствие чего они по сути близки индоевропейским определенным артиклям. Характеризуются также различные возможности применения посессивных суффиксов как в финно-угорских языках вообще, так и в мансийском языке. Отдельная глава посвящена диалектным вариантам этих суффиксов, которые рассматриваются вместе со ссылками на их предполагаемую исходную форму, например, 1 л. ед. ч. *-эт*, *-эт*, *-т* сводится к **-тэ*. Посессивные суффиксы сравниваются с близкими им этимологически личными местоимениями; здесь же приводятся разные точки зрения на определение отдельных посессивных суффиксов. Далее отдельно от других местоимений рассматриваются указательные вместе с посессивными суффиксами в разделе «L'aggettivo determinativo». Очевидно, они воспринимаются как детерминативные прилагательные по примеру итальянского языка. В части числительных анализируется первооснова таких форм, как *ñollow* или *ñololow*, венг. *nyolc* 'восемь' и *ontallow* или *ontolw* 'девять'; кроме того, описываются способы образования сложных числительных и для сравнения приводятся примеры из родственных языков; рассмотрены также порядковые числительные, собирательные и разделительные слова.

В отношении личных местоимений верно отмечено их родство с посессивными суффиксами, которые развивались из личных местоимений путем агглютинации (тенденция к синтезу). Указаны отличия в склонении личных местоимений по сравнению с существительными (меньше падежей). Описаны различные подвиды (т. н. эмфатические, рефлексивные и т. д.), склонение (таблица по Е. Ромбандеевой) и различные способы их употребления. Кроме того, приводятся этимологический анализ личных местоимений и структура рассмотренных производных местоимений (эмфатических и рефлексивных). Более подробно описаны вопросительные и неопределенные местоимения. При рассмотрении на-

речий использована традиционная классификация (наречия места, времени, образа действия, количества), материал изложен обзорно и довольно подробно (примеры, пояснения, анализ суффиксов, этимологии и т. д.). Наиболее подробно рассмотрены наречия места, отмечена их трехнаправленность (локатив, элатив, латив), в соответствии с этим сгруппирован излагаемый материал (таблица на стр. 112—113). В разделе о частицах (*Le particelle*, стр. 122—126) рассматриваются союзы, междометия и модальные или сложные частицы; здесь же представлены слова отрицания (*at*, *atim*, *ul*). Послелогом описаны автором как морфологические единицы, эквивалентные падежным окончаниям, в чем, по мнению автора, выражается отклонение от синтетической структуры. Сами послелогом автор считает первоначально бывшими существительными. Синтаксические функции послелогов сравниваются с функциями падежей и с предлогами романских языков. Послелогом мансийского языка распределены на две основные группы: 1) истинные послелогом, имеющие лишь грамматическое содержание; 2) т. н. опосредованные послелогом, т. е. существительные, используемые как послелогом и сохраняющие свое первоначальное значение; истинные послелогом не могут иметь морфем. В отношении послелогов тоже отмечена их трехнаправленность.

Сравнительно кратко изложен в работе вопрос о словообразовании, приведена соответствующая таблица основных аффиксов и т. н. модальных субстантивов (*I sostantivi modificatori*), например, *-ut*, *-ui* (*-woj*), *-sup*, *-sam*, *-pal* и др. На диалектных различиях в данном случае автор не останавливается, не рассматриваются отдельно аффиксы существительных и прилагательных; глагольные суффиксы обособлены.

Следующий обширный раздел посвящен глаголу. Прежде всего даются общие показатели глагола в мансийском языке, причем особое внимание уделено двум типам спряжения — объектному и субъектному. Определены условия их применения и проанализированы особенности объектного спряжения (объектная форма мансийского глагола может выражать число объекта), кроме того, сравнивается объектное спряжение в мансийском и

венгерском языке. Далее следует обзор спряжения мансийского глагола по обоим типам в соответствующих временах и наклонениях на примере *toti* 'несет'. В отношении личных окончаний отмечено, что формы 2 л. ед., дв. и мн. числа идентичны во всех временах и наклонениях (-ən): *totëpən* 'ты несешь, вы двое несете, вы несете', аналогична, причем, и ситуация с посессивными суффиксами. Подробно рассмотрены также показатели времени и наклонений (*indicatori e affissi caratterizanti*). Между прочим, одним из наклонений назван предикатив (-*kwe, -ke*): *totikem* 'я ношу с удовольствием'; как особое наклонение отмечен также т. н. нарратив с показателем -*ne*: *totnem* 'я ношу, оказывается'. Коротко изложен пассив: приведены таблица, соответствующие морфемы, а также примеры; однако пассивные конструкции подробно не анализируются. Также кратко описаны отглагольные имена, отдельно рассмотрены глаголы с изменяемой основой: *miy* 'дает', *wiy* 'берет, получает', *liy* 'бросает', *tëp* 'ест', *wāp* 'видит, чувствует', *juw* ~ *jiw* 'идет', описано их спряжение. В главе «Considerazioni generali sui modi e sui tempi» анализируются отдельные категории, времена и наклонения глагола; мансийские формы рассматриваются на фоне других финно-угорских языков, прежде всего близкородственных. Так, автор рассматривает выражение будущего времени с помощью аналитических конструкций, например, *zənsëpum tax* 'я напишу в будущем'; т. н. законченное прошедшее (*La categoria del passato*), образование императива, коопциональ, пассив, отглагольные существительные и соответствующие конструкции; затронуто также образование форм отрицания. Приведены мансийские примеры на рассмотренные формы, предложения для иллюстрации в большинстве своем почерпнуты из материалов А. Каннисто. Отдельная глава посвящена приставкам глаголов, которые сопоставлены с соответствующими венгерскими и хантыйскими морфемами, например, венг. *ki* 'вы-' и манс. *kon*, хант. *kiim* то же. Кратко, но наглядно поданы глагольные суффиксы, распределенные на две группы: deverбальные (*Derivativi da verbi*) и отыменные (*Derivativi da nomi*), причем указана возможность трансформировать

на мансийском языке русские глаголы с помощью морфемы -(*a*)jt: *primirowajtankwe* 'премировать'.

В разделе синтаксиса автор грамматике прежде всего обращает внимание на синтагму, т. е. различные словосочетания, из которых подробнее рассматриваются атрибутивные отношения (*Le relazioni di qualificante e qualificato — Le costruzioni qualificative*) и т. н. адноминимальные связи, например, комбинации существительных с послелогоми, а также посессивные отношения, например, *lū punkā* 'голова лошади (букв. лошадь ее голова)'. Подробно анализирует автор сказуемые отношения (*I sintagmi predicativi*), что делает на трех разных уровнях: рассмотрены т. н. именная фраза, глагольная фраза и глагольно-именная фраза (глагольное сказуемое + именное дополнение). Названные синтагмы рассматриваются в угорских языках вообще. Затронут и порядок слов в мансийском языке, а именно — расположение определения и определяемого, сказуемого и прямого дополнения, префиксов и глаголов, глагола и вспомогательного глагола, а также слов отрицания. Коснулся автор и проблем согласования. Структуре предложения посвящена глава «La frase — Le sul strutture», упомянуты простое и сложное предложения, в отношении последнего — отношения сочинения и подчинения. Характерно, что весь раздел синтаксиса изложен в общем плане, на фоне которого приведены мансийские примеры.

Предпоследняя глава посвящена лексике и уровню выражения, в связи с последними рассматриваются такие явления, как гиперизм, т. е. совместное выступление семантически близких грамматических элементов в определенных условиях (например, *am totëpum* 'я несу, я сам несу'), редупликация и т. п. Из лексических явлений рассмотрены омографы и омофоны, ассонанс и паронимазия, ониматопозитика и т. д. Коротко описаны различные наслоения мансийской лексики. В части заимствований Дж. Пиротти ссылается на соответствующие работы, в которых они обстоятельно анализируются; в работе приведены русские заимствования: *kinika* 'книга', *lëkkar* 'врач' и др. В связи с оригинальной лексикой отмечены такие интересные явления, как метафорные слова (*wōtpiy* 'сын ветра =

шторм') и табу, которые в мансийском языке встречаются, например, среди названий животных — о медведе *wörtölnut* 'тот, кто живет в лесу' или *voi jalp̄n üi* 'священный зверь' и т. д.

В последних частях грамматики приведен ряд диалектных примеров (в V части — из северного, в VI — из других диалектов), почерпнутых в основном из работ А. Каннисто, Б. Кальмана и Е. Ромбандеевой. Приведены и примеры из современной мансийской литературы — из поэзии Ювана Шесталова. Цитируются его сборники «Mäkem at» (1958) и «Misp̄e» (1961). В заключение приводится краткое описание хантыйской фонетической системы.

Рецензируемая грамматика уже потому заслуживает внимания, что она увидела

свет в Италии, где финно-угроведение — малоизвестная область лингвистики. Ценность исследования снижает, правда, отсутствие оригинального материала и в целом компилятивный характер работы, что в данном случае было неизбежно. Однако в качестве учебника работа может быть с успехом использована, причем с точки зрения итальянского читателя, которому она в первую очередь предназначена, весьма существенно, что наряду с мансийским языком в общем плане охарактеризованы и другие финно-угорские языки. Работа свидетельствует о широком научном кругозоре автора и знании им проблематики финно-угорского языкознания.

УРМАС ОРЕК (Тарту)

Е. П. Б о л ь д т. Образование имен прилагательных в нгансанском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1974.

Н. М. В о е в о д и н а, Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке (деепричастие плюс вспомогательный глагол). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1974.

В последние годы значительно оживилась исследовательская работа по самодийским языкам в СССР, которая проводится в ряде городов. Наиболее ощутимы ее результаты в Ленинграде, Новосибирске, Томске, Тарту. В изданных в 1973 и 1974 гг. сборниках «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 14—16 июня 1973 года» (Томск 1973); «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов Всесоюзной конференции), 18—21 декабря 1973 г.» (Новосибирск 1973); «Самодийский сборник. Сборник научных трудов» (Новосибирск 1973); «Склонение в палеоазиатских и самодийских языках» (Ленинград 1974) опубликован ряд статей по самодийским языкам, написанных Л. А. Аливиной, Э. Г. Беккер, Е. П. Б о л ь д т, Н. М. Воеводиной, Я. А. Глухих, А. П. Дульзоном, Л. Д. Ильиной, Э. Г. Киселевой, П. М. Коптеловым, Е. С. Кузнецовой, А. И. Кюзминой, А. Кюннапом, Л. В. Моревой, Ю. А. Моревым, А. А. Осиповой, Т. Г. Перфилье-

вой, Я. Н. Поповой, И. П. Сорокиной, А. К. Столяровой, Н. М. Терещенко, Т. М. Филипповой. Этот перечень наглядно свидетельствует о том, насколько увеличилось количество исследователей, в той или иной мере занимающихся изучением самодийских языков.

Несколько статей по самодийским языкам включено в подготовленный к печати сборник Томского педагогического института «Языки и топонимика». Завершена работа над монографией «Нгансанский язык». В Фонетической лаборатории Новосибирского академгородка под руководством В. М. Наделяева начато экспериментальное исследование фонетики энецкого языка и намечено исследование фонетики нгансанского языка. Подготавливаются кандидатские и докторские диссертации.

26 апреля 1974 г. на заседании секции исторических, филологических и философских наук Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Новосибирского государственного университета состоялась защита двух диссертаций на